

Когда-то все ручьи, луга, леса
Великим дивом представлялись мне;
Вода, земля и небеса
Сияли, как в прекрасном сне,
И всюду мне являлись чудеса.
Теперь не то — куда ни погляжу,
Ни в ясный полдень, ни в полночной мгле,
Ни на воде, ни на земле
Чудес, что видел встарь, не нахожу*.

Уильям Вордсворт

* Перевод Григория Кружкова.

Каждый день осенних каникул с двенадцати до часу дня я сижу в шкафу.

В самом обычном, сделанном из фанеры, втиснутом между изголовьем моей кровати и стеной. Знаю, шкаф не самое удивительное в мире место, особенно для тех, кто привык играть в прятки. Но я в прятки и не играю. Я прячусь по-настоящему.

Я могла бы пойти на улицу, но там идет дождь, холодно и мерзко. А в шкафу совсем не так уж плохо: тепло и относительно безопасно.

Каждый день в двенадцать дня домой приходит отец. Он всегда обедает дома. Это занимает ровно час, а это значит, что ровно час я должна просидеть в шкафу очень тихо, так, чтобы у него и мысли не возникло, что я дома. Мама придет через полтора часа, и вот тогда я выберусь из своего укрытия, сяду за стол рисовать, и никто ничего не узнает.

Я не люблю оставаться с отцом наедине. А прятаться в шкафу гораздо интереснее, чем, например, под кроватью. В шкафу много всего, а не только пыльный пол, а главное — там темно, и, значит, нужно чем-то эту темноту заполнять.

Сегодня он пришел на пять минут раньше. Хорошо, что я его опередила. Это не так уж сложно: его шаги я научилась слышать еще с первого

этажа. Они тяжелые и медленные, будто ступает великан. У нашей двери на втором этаже они ненадолго замирают, становится тихо, будто только что поднимающийся по ступеням человек просто взял и испарился прямо перед дверью. Но я знаю, это уловка. Он выжидает, прислушивается, принимается.

Спустя пару минут ключ поворачивается в замке, а я глубже забиваюсь в угол шкафа и закрываюсь свисающим сверху маминым пальто.

Я слышу, как отец снимает ботинки и идет в ванную мыть руки. Он всегда первым делом моет руки, а потом заглядывает в мою комнату, чтобы убедиться, что меня там точно нет. Меня нет. И он идет на кухню греметь кастрюлями и сковородками.

Пока отец ест, мамино пальто гладит меня по голове рукавом и шепчет, что все будет хорошо.

«Должна же быть в мире еще хотя бы одна девочка, которая сейчас так же, как и я, сидит в шкафу», — думаю я, глядя в темноту. Темнота едва заметно шевелится в ответ.

— Привет, — еле слышно говорю я девочке, сидящей напротив меня, — что ты здесь делаешь? Вообще-то это мой шкаф.

— То же самое, что и ты, — прячусь, — с вызовом отвечает она.

Девочка поправляет складки своего пышного синего платья и смотрит на меня исподлобья большими зелеными глазами.

— От кого ты прячешься? — спрашиваю я.

— Мы с Канцлером играем в прятки. Вот от него. Но он ужасно боится темноты, так что не будет здесь искать.

Девочка хихикает.

— М-м, понятно, — говорю я, — а кто такой Канцлер?

— Тот, кто обо мне заботится, — важно отвечает девочка, — а еще он помогает мне управлять Королевством. Так получилось, что я совсем одна и больше помогать мне некому, а Королевство большое, сама понимаешь.

Я не совсем понимаю. Девочка прищуривается и смотрит на меня очень внимательно — мне становится стыдно за колготки с дыркой на пальце и растянутую футболку.

— А ты что здесь сидишь? Ты сказала, это твой шкаф, но это не так. Он находится в моем Королевстве, а значит, он мой!

— Говори, пожалуйста, тише, — прошу я.

Я слышу, что отец уже закончил с едой и скидывает грязную посуду в раковину. Мне нужно быть осторожной: тот, от кого я прячусь, темноты не боится.

Тяжелые шлепающие шаги (отец всегда ходит дома босиком) снова направляются в ванную. Шлёп-шлёп. Неожиданно они замирают на пороге моей комнаты. Шлёп-шлёп. Отец останавливается прямо у шкафа.

Я смотрю на девочку и прикладываю палец к губам.

За фанеркой шумное дыхание — я знаю, что он принюхивается, он чувствует мой страх. «Что ему здесь нужно, в этом шкафу нет его вещей, неужели он знает, что я здесь?» Я с надеждой поднимаю глаза на девочку, но ее больше нет.

Я одна, и от отца меня отделяет только тонкая дверца. Мне кажется, он слышит, как громко стучит мое сердце. Я приказываю сердцу замолчать и прижимаюсь к маминому пальто. «Мамочка, вернись, пожалуйста, скорее», — шепчу я про себя. Но я знаю, мамочка не вернется. Придется выкручиваться самой. Я должна что-то сделать, чтобы он не нашел меня, даже если эта дверь откроется. «Если эта девочка откуда-то пришла, значит, и я могу куда-то уйти», — размышляю я.

Зажмуриваюсь так, что глазам становится больно, вжимаюсь в стену и на всякий случай повторяю заклинание, которое должно сделать меня невесомой и невидимой: «Я пушинка — легче пуха, я пушинка — легче пуха».

Стена шкафа за спиной становится мягкой, и я проваливаюсь в ворох пальто, шуб и платьев, которые заботливо принимают меня в свои объятия.

Откуда-то издалека я слышу звуки открывающейся входной двери — это мама пришла домой чуть раньше. Заклинание сработало, отец не нашел меня.

Пока они с матерью о чем-то пререкаются на пороге, я тихонько выбираюсь из своего

убежища. Обычно мне удается сделать это до прихода мамы, но сегодня все пошло наперекосяк.

Отец уходит, а мама, проходя мимо моей комнаты, удивленно смотрит на меня:

— Отец сказал, тебя дома нет. А ты здесь. Как так вышло?

— Я сидела в шкафу, — смущенно отвечаю я.

— Зачем ты сидела в шкафу?

Мама хмурится, а мне почему-то становится стыдно.

— Не знаю, мне там нравится, — невпопад отвечаю я.

— И что же ты там делала, позволь узнать, столько времени?

Голос мамы становится веселей.

— Взяла с собой фонарик и читала книгу. Я люблю там читать.

Мама недоверчиво и как будто осуждающе смотрит на меня.

— Тебе нужно больше гулять и завести друзей, — выносит она свой вердикт и уходит на кухню.

* * *

Теперь я сижу в шкафу не только во время великанских обедов. Я надеюсь встретить девочку, имени которой не знаю, но она больше не приходит. Интересно, нашел ли ее Канцлер, победил ли он свой страх темноты, или девочка сжалась

над ним и сама пришла к нему, и что вообще происходит в ее Королевстве? А самое главное — где это Королевство и как мне попасть туда?

После моего первого бесконечно долгого сентября в школе Валентина Леонидовна объявляет, что у нас в классе новенькая. Она проболела почти весь месяц, так что теперь ей придется многое наверстывать, и зовут ее Лера.

Новенькая протискивается в приоткрытую классную дверь, и я понимаю: это ты. На тебе нет пышного синего платья, вместо него застиранная белая блузка, клетчатая школьная юбка, такая же, как у всех девочек в классе, колготки гармошкой на коленках и стоптанные ботинки. Твои каштановые кудри заплетены в неряшливую косичку, и твой портфель не несет никакой Канцлер.

Девочки в классе неодобрительно разглядывают тебя. Ты смотришь на всех так, как будто вообще не понимаешь, как тебя занесло в эти безрадостные края. Твои глаза большие и зеленые. Это ты — девочка из шкафа.

Интересно, вспомнишь ли ты меня?

Валентина Леонидовна отправляет тебя на первую парту в третьем ряду, и я радуюсь, что мне хорошо видно тебя со своей.

Весь этот день я наблюдаю за тобой — тебе явно нет дела до других, кажется, ты любишь рисовать и похожа на дикого зверька, который вдруг обнаружил себя запертым в клетке.

Учительница несколько раз делает тебе замечание за невнимательность. Я думаю, что ты достаточно странная, не знаю почему, но мне это нравится.

Если бы ты смотрела в этот момент на меня, то увидела бы девочку в неудобной школьной форме, с заплетенной вокруг головы косичкой и челкой, выстриженной явно неумелой рукой, похожую на дикого зверька, который вдруг обнаружил, что он больше не единственный зверь в клетке.

Звонок, мы спускаемся по школьной лестнице на первый этаж, чтобы разойтись по домам. Шумно, осеннее солнце вычерчивает в коридоре яркие квадраты.

— Привет, — говорю я, наступив в один из них, чтобы ты меня точно увидела. — Ты меня правда не помнишь?

Ты удивленно смотришь на меня:

— Нет, не помню.

Твой голос неожиданно резкий и какой-то не девчачий.

Мне кажется, ты хочешь, чтобы я от тебя отстала, чтобы побыстрее уйти из школы. Ты хмуро смотришь в окно, а не на меня.

Я уже почти смиряюсь с поражением, но тут мне в голову приходит маленькая хитрость. Девочку из шкафа никак не могут звать просто Лерой, это уж точно.

— Учительница сказала, что твое имя Лера, — начинаю я, — а как тебя зовут по-настоящему?

К моей радости, ты перестаешь хмуро пялиться в окно, поворачиваешься ко мне, смотришь оценивающе пару секунд и шепотом произносишь:

— Джеральдина.

Я торжествую: да, именно такое имя и должно быть у девочки из шкафа.

— А тебя как зовут? — спрашиваешь ты.

— Кимберли, — не задумываясь отвечаю я.

Ты улыбаешься так, будто это имя тебе знакомо, и я радуюсь, что мы все же смогли узнать друг друга.

По дороге из школы я рассказываю тебе, что наша первая встреча на самом деле не первая; про то, что на тебя наверняка наложили заклятие забывчивости; про Канцлера и Королевство, которое где-то совсем рядом.

— У нас есть целое королевство? — удивленно спрашиваешь ты. — И кто наложил на меня заклятие?

— Возможно, твой отец? — предполагаю самое очевидное я.

— Мой отец хороший, он бы не стал.

— Значит, твоя мать! — быстро нахожусь я.

Ты хмуришься:

— Очень может быть.

«Очень может быть», — повторяю я про себя. Никто из моих одноклассниц никогда бы так не сказал, но ты сказала именно так.

С того дня домой мы ходим вместе, ты живешь в пятом подъезде, а я в первом — в большом кирпичном замке на горе. Когда-то он весь принадлежал нам, но потом наши семьи рассорились и поделили замок на две части, а потом еще на три. Их они продали разным людям, так как в девяностые было мало денег и нужно было как-то зарабатывать. Видимо, денег совсем не было, раз третий подъезд достался людоедке, лепившей пирожки из детей и котят. Так, по крайней мере, говорили нам твой старший брат и его друзья. Каждый раз, увидев нас, они повторяли: «В третий пойдешь — к людоедке попадешь, в третий пойдешь — смерть свою найдешь». Умирать нам еще не хочется, поэтому мы на всякий случай обходим логово людоедки стороной.

Почему наши родители поссорились, мы не знали, но это было как-то связано с тем, что твоя мать верит в бога и ходит в церковь, а мой отец считает себя коммунистом и ходит на митинги к памятнику Ленина.

Церковь, которую выбрала твоя мама, почему-то находится не в церкви с крестом и куполами, а в обычной квартире. Отец говорит, что твоя мать сектантка. Твоя мать говорит, что мой отец сатана.

Нам с тобой нет дела ни до Иисуса, ни до Ленина, тем не менее родители считают, что мы

плохо влияем друг на друга, и стараются свести наши встречи к минимуму.

Я замечаю, как отец смотрит на меня, когда я возвращаюсь от тебя, и принюхивается. Его огромные ноздри раздуваются, и он будто чувствует запах веры в высшие силы, который я источаю.

— Опять была у этой сектантки? — строго спрашивает он.

— Да, — мямлю я. Врать бесполезно: когда он так спрашивает, то уже заранее знает ответ. Любая ложь только продлит эту пытку, а мне хочется покончить с ней побыстрее.

— Нечего тебе туда ходить, пусть она к нам приходит.

Эта фраза не та, с которой отец обычно начинает свой допрос с пристрастием, поэтому я радуюсь. Кажется, он не в настроении меня сегодня наказывать.

— А почему ты решила, что можешь послушаться отца? — неожиданно злобным шепотом добавляет он и подходит ко мне совсем близко.

Я быстро прокручиваю в голове все возможные причины, которые могли бы меня оправдать: ты подвернула ногу и я должна была тебе помочь, мы нашли котенка и понесли его к тебе, у тебя появилась новая интересная игра, мы должны были вместе делать домашнюю работу. Даже если я скажу правду, это не поможет, потому что отец уже начал свою игру. А играем мы всегда только по его правилам.

Впрочем, кое-что я могу. По крайней мере, попробовать стоит.

— А разве верить в бога — это плохо? — пытаюсь отвлечь его внимание я.

Отец прищуривается: если и есть в мире слово из трех букв, которое он не переносит, то это слово «бог».

— Бога нет, — отвечает отец, — а церковь, куда ходит мать твоей подруги, — американская секта. Хочешь узнать, зачем эта секта нужна? — Отец повышает голос почти до раската грома.

— Не знаю, —жимаю плечами я.

— Затем, чтобы запудрить мозги нашим детям, разрушить наши ценности и развалить Россию. А наше капиталистическое правительство им в этом помогает!

Отец переключил свой гнев на правительство — это хорошо.

— А какие у нас ценности? — помолчав, спрашиваю я, чтобы окончательно его запутать и отвлечь от тебя.

На этот вопрос отец почему-то не отвечает и идет смотреть «Новости» — разговаривать с ведущим из телевизора ему интереснее, чем со мной. Возможно, потому, что ведущий ничего ему не отвечает, а может, потому, что его ответы может слышать только отец.

Из этого разговора я усваиваю, что бога придумали американцы, чтобы развалить Россию, а также то, что у нас есть ценности, но вслух о них говорить нельзя.

В следующий раз, как и требовал отец, ты приходишь ко мне, но после встреч у меня ты возвращаешься домой, покрытая неприличным налетом коммунизма. Твоя мама начинает страшно чихать, так как на коммунизм у нее аллергия.

* * *

Все время, что мы проводим вместе, мы ищем в окружающем знаки нашего с тобой Королевства. Мы ищем их среди серых девятиэтажек, в прокуренных подъездах, в собачьих метках на снегу, в лесу, что в десяти минутах от дома, и в каждом шкафу, в который только можем залезть.

В том, что Королевство наше, нет ни малейшего сомнения: мы — королевы, по ошибке попавшие в другой мир и мечтающие вернуться. Лишившись обеих своих королев, Королевство закрыло все проходы между мирами, ведь без нас оно стало уязвимо. А мы не можем вернуться туда просто так, потому что на нас уже лежит печать этого, не лучшего из миров.

Но Королевство не забывает о нас и посылает знаки, которые можем расшифровывать только мы, и знаков этих предостаточно: облетевшие листья, на которых проступают черты древних лиц; гигантские следы птичьих лап на снегу; фонари, которые зажигаются прямо над нашими головами и ведут нас куда-то.

Королевство постепенно открывается нам, показывает, что может скрываться даже в самых обычных, неприметных вещах. Вот поэтому мы и знаем, что живем в замке, что деревья в лесу за домом — живые и что если захотим отправить письмо Канцлеру, то нужно написать его на листе, сложить корабликом и пустить в лесной ручей, а уж вода вынесет его куда надо.

Королевство разговаривает с нами, и хотя мы и понимаем его тайный язык, но помним, что так просто нам туда не вернуться, нас ждут «великие испытания».

Про великие испытания нам впервые рассказывает твоя мать. У нее тоже есть свое королевство — она называет его раем для праведных христиан. Вот только попасть туда можно лишь после смерти, прожив жизнь, полную тяжелых испытаний.

«Иисус страдал — и мы должны пострадать», «Без труда не выловишь и рыбку из пруда», «Хорошего понемножку» — любит повторять она, и я начинаю думать, что это какие-то заклинания.

— Мне кажется, твоя мама пытается нас околдовать, — шепчу я тебе на ухо, когда мы наконец остаемся одни. — Наверно, поэтому ты так мало помнишь про Королевство.

По лицу вижу, что эта идея тебе нравится, ты откладываешь тетрадку по математике и берешь меня за руку. Твоя рука очень теплая, и мне кажется, что если мы продолжим держаться за руки, то все обязательно будет хорошо.

— И что мне теперь делать? — спрашиваешь ты. — Я не знаю, как противостоять этим закланиям.

— А я, кажется, знаю. Нужно повторять то, что она говорит, наоборот.

— Наоборот?

— Ну да. Вот так: Иисус не страдал — и мы не должны, хорошего помножку, понимаешь?

— Вроде да. Но я же не смогу сказать это вслух, мама точно накажет меня за такое.

— А вслух и не надо, говори про себя.

Ты киваешь и спрашиваешь:

— А твой отец тоже колдует?

Я вспоминаю, как отец сидит перед телевизором и иногда вскрикивает: «Да что ты говоришь?!», «Пидорасы!», «Развалили страну!».

— Кажется, да, — отвечаю я, — но он как-то по-другому это делает.

Когда мы заканчиваем домашку по математике, твоя мать приносит красивую голубую Библию с картинками.

— Вот, посмотри, — говорит она. — Дома у тебя такой нет, но все мы дети Божии, даже...

Она замолкает, не договорив, будто пытается что-то во мне разглядеть, а я вспоминаю, кого она записала мне в отцы.

— Покажи подруге свои любимые главы, — наставляет тебя мать.

Как только она уходит, ты открываешь Библию.

— Мои любимые — про сотворение мира, Ноя и его ковчег, Адама и Еву, — говоришь ты, и я начинаю читать вслух про сотворение.

Я специально читаю громко, чтобы твоя мать могла услышать, это должно ей понравиться, а что-то мне подсказывает, что мне очень важно ей понравиться, если я и дальше хочу приходить к тебе.

«Вы знаете, как все погружается во мрак в ночное время, когда выключены все лампы. В такой темноте был когда-то весь мир. Тогда не было ни травы, ни деревьев, ни прекрасных цветов, ни птиц, ни даже неба и земли, но вся вселенная была тьмой и хаосом. Однако Бог не хотел, чтобы все оставалось так, и Он сотворил этот чудесный мир. Мы знаем, что само собой ничего не создается. Окружающий нас мир, наполненный гармонией и красотой, свидетельствует о его великом и мудром Творце»*.

Перед глазами возникает темнота, но это не темнота мира, а темнота шкафа, в котором я прячусь от отца. Он стоит за фанерными дверцами, и никакой гармонии и красоты там не наблюдается. С той-то стороны уж точно.

— Давай теперь я почитаю, — предлагаешь ты.

В школе читать вслух у тебя получается плохо, ты часто запинаешься, и все над тобой смеются,

* Арапович Б., Маттелмяки В. Детская Библия с картинками. — Стокгольм: Институт перевода Библии, 1992.

поэтому я удивляюсь тому, как уверенно звучит твой голос сейчас:

— Но однажды Адам и Ева ослушались Бога. И Он изгнал их из рая. Это случилось так. Господь разрешил им есть плоды от всякого дерева в саду, кроме плодов от дерева, которое называлось деревом познания добра и зла. Бог сказал, что если они ослушаются этой заповеди, то умрут. Но сатана, враг Бога и людей, решил погубить Адама и Еву...*

— Зачем бог поместил в рай дерево с плодами, которые нельзя есть? — спрашиваю я, когда ты заканчиваешь читать.

— Мама говорит, что это было испытание и Адам и Ева его не прошли. Теперь мы все должны исправлять их ошибки, чтобы после смерти попасть в рай.

«Если рай — это королевство твоей матери, то оно мне не нравится. Хотя бы потому, что, чтобы попасть туда, нужно умереть, а смерть — дело слишком долгое, ведь умрем мы только в старости. Ждать столько времени нам не хочется, мы найдем путь в Королевство сами», — решаю я тем же вечером под пристальным взглядом отца.

Как и у твоей матери, у моего отца тоже есть свое королевство, и называется оно Союз Советских Социалистических Республик. Он часто спрашивает меня, как называется страна, в которой мы живем, и я давно уже выучила, что для того, чтобы все было хорошо, нужно отвечать: «СССР».

* Арапович Б., Маттелмяки В. Детская Библия с картинками. — Стокгольм: Институт перевода Библии, 1992.

Королевства отца, как и рая, тоже не существует на карте — если только на старой, — но я знаю, что главный там — Ленин-коммунист, вождь мирового пролетариата и друг всех детей. Ленин умер давно, но отец часто говорит, что он жив, потому что дело его живет, и мне начинает казаться, что он тоже воскрес, прямо как Иисус.

В королевстве отца все время идет борьба между плохими богачами и хорошими бедняками. Пока побеждают плохие богачи, и я думаю, что, может, мы тоже начнем жить богаче, даже если станем чуть хуже. Но мы не начинаем.

Дома у нас черно-белый телевизор с тремя каналами, хотя у всех, кого я знаю, телевизоры цветные, а у некоторых даже есть видеомагнитофоны. Их обладателей отец называет буржуями и ворами, потому что видеомагнитофоны невозможно купить — на них можно только наворовать! Отцу безразлично количество цветов в нашем телевизоре, он смотрит только новости, а мне хочется смотреть мультфильмы, особенно иностранные, но они-то как раз под запретом.

В начале каждой недели отец выдает мне напечатанную в газете программу телепередач. В ней он обводит то, что мне можно смотреть, например, советские мультфильмы и фильмы, детские программы, и зачеркивает то, что смотреть нельзя — диснеевские мультфильмы, иностранные сериалы и любые фильмы, которые идут после девяти вечера. Отец не просто зачеркивает название одной линией, он полностью

закрашивает его вместе со временем показа так, чтобы я не посмотрела что-нибудь недозволенное, пока его нет дома. Иногда он ошибается, например, когда думает, что «Винни Пух» — советский, и я смотрю первый диснеевский мультфильм в своей жизни.

«Время пришло в гости отправиться, ждет тебя старинный друг», — слышу я и сразу же представляю, как ты машешь мне из-под дерева на холме.

Пока я смотрю запретного «Винни Пуха», мне кажется, что даже наш черно-белый телевизор ненадолго становится цветным, и я делюсь этим чудом с тобой.

Что-то мне подсказывает, что тебе можно рассказать о том, что творится у меня дома, и ты не будешь смеяться, в отличие ото всех остальных.

В ответ на мое признание об увиденном чуде ты говоришь, что наверняка телевизор стал цветным специально для этого случая. А еще даришь мне вашу телевизионную программу, в которой никто ничего не закрашивал, и я радуюсь такому королевскому подарку.

* * *

Странно, я почти не помню, чем мы занимаемся в школе, зато помню, что делаем после нее. Мы всегда возвращаемся домой через спортивное поле — оно отделяет наш замок от бесполезных школьных земель. Осенью поле покрывается

десятками огромных луж, в которых плавают облетевшие листья. Иногда они ударяются друг о друга и вздрагивают, в этот момент мне кажется, что они готовы что-то нам рассказать. Мы прислушиваемся и заглядываем в лужи, надеясь увидеть там свои настоящие отражения, но видим резиновые сапоги, шерстяные рейтузы с надетыми поверх них юбками и огромные куртки с капюшонами, за которыми и лиц толком не видно. Если постараться, можно придумать себе другие одеяния, но слишком засматриваться нельзя: мы все-таки идем через болота, и нужно быть очень осторожным — если оступишься, никакие листья и красивые одежды уже не помогут.

Сегодня у нас есть здесь дело — набрать природные материалы для поделок к уроку труда. Природные материалы — это скучно, труд — это скучно, а вот идти вдвоем с тобой через опасные болота — нет.

— Думаешь, они живые? — спрашиваешь ты, потрясая у меня перед лицом красным листом с коричневатыми морщинами.

— Думаю, да, просто они сейчас спят. Если бы мы были в нашем Королевстве, они точно бы с нами заговорили.

Когда красных и желтых морщинистых лиц в наших ранцах становится достаточно, ты предлагаешь начать поиски Королевства со шкафа.

— Ты же говорила, что впервые встретила меня там, что в шкафу есть проход. Почему мы все еще не попробовали?

— Я боюсь, что может не получиться, — честно признаюсь я.

— Почему не получится?

Ты кидаешь только что собранные листья себе под ноги от негодования.

— Там случилось кое-что. Кое-что плохое. Я боюсь, это как-то повлияло.

— Что случилось? — Ты берешь меня за руки. — Расскажи мне, пожалуйста!

Я не хочу тебе говорить о том, что произошло в шкафу, поэтому соглашаюсь попробовать.

— Обещай, что, если не получится, ты расскажешь мне, что случилось! — требуешь ты. В этот момент ты смотришь на меня так, будто одним своим словом способна стереть все плохое, что бы и когда бы ни произошло.

— Обещаю, — говорю я и сильнее сжимаю твои руки. Твои руки всегда теплые, в отличие от моих.

Я чувствую, что должна сказать что-то ободряющее, чтобы твоя вера не пошатнулась и не пала прямо здесь гнить вместе с листьями.

— Главное, что мы смогли найти друг друга, если бы этого не произошло, то Королевство погибло бы. Но теперь, когда мы вместе, оно будет проникать в наш мир, пока не заполнит его, и мы не сможем уйти туда насовсем.

Мы выбрали самые безопасные день и время, когда никто из моих родителей точно не сможет нам помешать, ты пришла ко мне и принесла свое самое

нарядное платье, а я достала свое: нельзя же возвращаться в Королевство, которым правишь, в чем попало.

Мы наряжаемся (ты сделала мне венок из листьев, а я воткнула тебе в волосы засушенный цветок) и лезем в шкаф.

— Только после вас, Джеральдина, — весело говорю я, открывая дверцу, и ты проходишь первая.

— Премного благодарна вам за это приглашение, Кимберли, — смеясь, отвечаешь ты.

Я следую за тобой и закрываю дверцу. Мы садимся в разные углы шкафа, и я включаю фонарик.

— Вот здесь мы и встретились. На тебе было синее платье, а я сидела в этом же самом углу.

— Кажется, я начинаю вспоминать, — к моей радости, говоришь ты. — Что нужно делать?

— Сейчас я выключу фонарик, мы возьмемся за руки, и я произнесу заклинание. Повторяй его за мной, а потом закрой глаза и изо всех сил представляй себе наше Королевство. Я надеюсь, что получится.

— Я буду очень стараться, — обещаешь ты и берешь меня за руку.

Я щелкаю кнопкой фонарика и медленно шепчу заклинание — так, чтобы ты успевала повторять за мной.

Там, где солнце встает на Западе,
Там, куда не доехать на поезде,
Там, где реки текут в обратные стороны,
Там наше Королевство.

Мы повторяем заклинание три раза, чтобы было вернее, и ждем. Я чувствую легкое движение воздуха и то, как колышутся рукава одежды надо мной. Я пытаюсь изо всех сил поверить в то, что сейчас рукава обернутся ветками, расступятся и пропустят нас. Спиной я ощущаю стенку шкафа. Еще немного — и она станет мягкой и я провалюсь, как в тот раз. Провалюсь куда-то, где меня примут в заботливые объятия.

Ничего не происходит.

Я чувствую, как ты отпустила мои руки. Это конец. Ты больше не согласишься мне.

Я щелкаю фонариком. Но вместо разочарования, которое я ожидала увидеть на твоём лице, вижу только беспокойство за меня. Так странно, что ты не злишься, хотя я подвела тебя. Ты такая добрая.

— Расскажи мне, что случилось, — просишь ты. — Это что-то страшное, я знаю, раз мы не можем пройти. Расскажи, пожалуйста!

— Хорошо, — говорю я и рассказываю тебе об одном дне, который мне очень трудно выковыривать из памяти, так как иногда мне кажется, что его никогда и не было.

В тот день мне особенно не хотелось оставаться с отцом дома. На улице похолодало, а значит, его огромные уши, которые всегда наполовину торчат из-под шапки, стали красными, набухшими и покрылись мерзкой шелушащейся коркой. Когда это происходит, отцу нравится усаживать меня

рядом с собой и заставлять отдирать эту корочку чешуйку за чешуйкой. «Разве ты не хочешь позаботиться об отце? — говорит он. — Нельзя перечить отцу». Вот, в общем-то, и все, что нужно сказать, чтобы мои пальцы горели, обжигаясь о его ядовитую чешую.

Но в этот раз я решила, что ничего у него не получится. И раз уж шкаф стал для меня таким надежным убежищем, то так теперь будет всегда.

На обед у отца сегодня тушеная капуста с мясом, я сижу в шкафу и прислушиваюсь к каждому звуку и запаху. Сегодня особенно страшно, поэтому я веду себя очень тихо и просто пытаюсь пережить этот час.

Все идет благополучно, я слышу шлёп-шлёп в ванную, шлёп-шлёп на кухню, грохот посуды, а потом опять шлёп-шлёп в ванную.

Когда отец возвращается обратно и проходит мимо моей комнаты, в носу у меня начинает нестерпимо щекотать и я чихаю. Звук такой громкий, что мне кажется, он разлетается на сотни километров и его слышно даже в Королевстве.

Повисает тишина, будто весь подъезд вымирает разом, а за ним и весь город, и мне тоже очень хочется прямо сию секунду умереть, но сердце предательски настукивает и выдает меня еще больше.

Отец кидается в комнату и замирает перед шкафом.

«Я пушинка, легче пуха», — шепчу я в своей голове и ползу вглубь шкафа. Шкаф милостиво расширяется, пока огромные красные руки

открывают его дверцы. Я ползу по тоннелю из одежды: мамины пальто, пиджаки и платья гладят меня по голове и стараются подтолкнуть вперед своими рукавами туда, где я буду в безопасности. Неожиданно я понимаю, что могу выпрямиться и идти дальше во весь рост. Я иду очень долго — проходят сначала минуты, а потом часы, но вещи все никак не заканчиваются. «У мамы никогда не было столько одежды», — думаю я, и неожиданно эта мысль пугает.

Теперь я вижу, что иду по коридору из чужих вещей, они пахнут старостью и гнилью и тянут ко мне свои цепкие полуистлевшие руки. Они хватают меня за плечи и ноги, выдергивают волосы на голове, оставляют синяки и царапины. Я уже не иду, а бегу вперед.

В этот момент кто-то особенно больно хватает меня за локоть и тянет вверх.

Я ударяюсь коленкой о дверцу шкафа — боль настолько сильная, что темнеет в глазах, — тоннель из жутких вещей растворяется, и я оказываюсь в комнате.

Передо мной стоит отец. Его кулаки сжаты, а рот съехал куда-то набок. Он очень зол.

Я знаю, он ударит меня, но боюсь я не этого, а того, что он заставит меня рассказать про Королевство.

Я заканчиваю свой рассказ и смотрю на тебя. Все это время я тоже смотрела на тебя, но видела перед собой совсем другое лицо.